

привилегий, которые королю приходилось бы останавливать своим вмешательством. В революционное же время решения парламента, принимаемые под давлением народного настроения, улицы, часто будут клониться именно к уничтожению старых привилегий, а потому неизбежно встретят сопротивление со стороны короля. И тогда, если ему будет предоставлено право вето и если он почувствует некоторую силу на своей стороне, он непременно воспользуется этим правом. Так оно и случилось с августовскими постановлениями и с Декларацией прав.

В Собрании была, однако, многочисленная партия, стоявшая за абсолютное вето короля, т. е. желавшая предоставить королю возможность помешать законным путем всякой серьезной перемене; так что после долгих прений Собрание пришло, наконец, к компромиссу. Оно отказало в *абсолютном* вето (т. е. в праве навсегда отвергнуть закон, проведенный Собранием), но приняло вето *задерживающее* (*veto suspensif*), дававшее королю возможность, не *отменяя* того или другого закона, *задерживать* на некоторое время его проведение в жизнь.

Теперь, 100 лет спустя, историки неизбежно склонны идеализировать Собрание и представлять его себе вполне готовым бороться за революцию. Но так как истина для нас дороже красивого предания, легенды, то приходится отказаться от такого представления. На деле, даже в лице самых передовых своих представителей, Собрание далеко не было на высоте требований того времени. Оно чувствовало свое бессилие. Самый состав его был далеко не однороден, так как в нем было больше 300, а по другим исчислениям до 400 депутатов, т. е. больше трети общего числа, готовых вполне примириться с королевской властью. Помимо этого, не говоря уже о тех, кто прямо состоял на жалованье у двора, а были и такие, сколько в нем было депутатов, боявшихся революции гораздо больше, чем королевского произвола! Но время было тогда революционное, и помимо прямого давления народа и страха перед его гневом кругом царило то особое умственное настроение, которое покоряет робких и заставляет осторожных идти за более смелыми. Кроме того, и это было главное, народ по-прежнему держался угрожающе, а воспоминание о де Лонэ, Фуллоне и Бертье было еще свежо в памяти. В предместьях Парижа даже поговаривали о том, чтобы убить членов Собрания, подозреваемых в сношениях с двором.

Между тем в Париже по-прежнему свирепствовала страшная нужда. Был сентябрь: жатва уже была кончена, но хлеба все-таки не хватало. У дверей булочных целые вереницы людей ждали с раннего утра своей очереди и часто после долгих часов ожидания люди уходили без хлеба. Муки не хватало. Несмотря на закупку зерна за границей, организованную правительством, несмотря на премии, выдаваемые за ввоз зерна в Париж, хлеба все-таки не доставало как в столице, так и в соседних с ней больших и малых городах. Все меры, принимавшиеся для продовольствия населения, оказывались недостаточными, да и тому немногому, что делалось, мешали разного рода мошенничества. Весь старый строй, все государственное сосредоточение власти, понемногу создававшееся с XVI в., проявили себя в этом вопросе о хлебе. На верхах утонченная роскошь достигала крайних пределов, а внизу народная масса, разоряемая всякими поборами, не находила себе пропитания на плодородной почве и в прекрасном климате Франции!

Кроме того, против принцев королевского дома и высокопоставленных придворных лиц раздавались самые тяжелые обвинения: в народе говорили, что они снова заключили «голодный договор»¹ и барышничают на высоких ценах на хлеб. Документы, напечатанные с тех пор, вполне подтверждают тогдашние слухи. И когда мы теперь знаем, что делали в России великие князья, всякое сомнение в этих обвинениях исчезает.

К тому же возможное банкротство государства висело как угроза над головами. Государственные долги требовали немедленного взноса процентов; расходы же все росли, и казна была пуста. Прибегать во время революции к тем жестоким мерам, которыми выколачивались подати при старом строе, когда у крестьянина продавали его последнее имущество за недоимки, теперь уже не решались, боясь бунтов; а с другой стороны, крестьяне в ожидании более справедливого распределения налогов перестали платить; богатые же, ненавидевшие революцию, не платили ничего из тайного злорадства. Напрасно Неккер, вновь вступивший в министерство 17 июля 1789 г., придумывал всякие средства для предотвращения банкротства: он ничего не находил. И в самом деле, трудно представить себе, каким образом мог бы он помешать банкротству, не прибегая к принудительному займу у богатых или не завладевая

¹ «Голодным договором» называли договор, заключенный в 1729 г. при Людовике XV скупщиками зерна при участии придворных и членов королевской семьи.